

За этот месяц, сколько бы Юй Чанцин ни пытался, он так и не смог восстановить разрывы в своих меридианах. Его энергетические каналы оставались заблокированными, а даньтянь пребывал в состоянии хаоса. За исключением своего сознания, он ничем не отличался от простого смертного. Это вызывало в нём всё большее беспокойство.

Его чувство безопасности всегда основывалось на его глубокой и могущественной культивации. Теперь, утратив силы, он больше не был Почтенным Ханьяном, не имел способности защитить себя, и не знал, сколько ещё дней ему осталось. Если только он не останется в этой деревне навсегда, то, стоит ему выйти за её пределы, его тщательно ухоженное тело, о котором так заботился Ван Дачжуан, может быть уничтожено в мгновение ока.

Даже если враги его не найдут, одной только его внешности будет достаточно, чтобы навлечь на себя беды и унижения. Он никогда не недооценивал тёмные стороны человеческой природы.

Только такой наивный человек, как Ван Дачжуан, с сердцем, чистым как у младенца, безвозмездно спас его и день за днём находился рядом с беспомощным, неспособным к сопротивлению человеком. Всё это время его взгляд оставался таким же, как в момент их первой встречи — искренним, чистым, полным почтения. Даже когда он помогал ему мыться и ухаживал за его телом, он лишь краснел, но в его глазах не было ни капли порочной мысли.

Этот глупец каждый день тяжело работал, заботливо ухаживал за его одеждой и едой, и даже к его неприятному характеру относился без малейшего раздражения.

Когда он стал Почтенным Ханьяном, все вокруг стали терпимее к его вспыльчивости. Никто, кроме его старшего брата по секте, не осмеливался выразить недовольство. Во-первых, потому что он не любил много общаться и мало с кем контактировал, а во-вторых, из-за его силы. Люди терпят суровый характер мастера, но если человек слаб, его дурной нрав лишь вызовет раздражение и презрение. Сейчас он был никем, но Ван Дачжуан всё равно оставался к нему неизменно добр.

Иногда Юй Чанцин задумывался: как в этом мире мог существовать человек с таким чистым сердцем?

Если все люди в мире были мутной и грязной водой, то Ван Дачжуан, должно быть, был слезинкой сострадания, которую пролила Нюйва*, видя страдания мира. Он был чист, прозрачен, смотрел на мир с состраданием, сияя своим уникальным жемчужным светом среди окружающей грязи.

*богиня-творец в китайской мифологии, создавшая людей и починившая небесный свод

Рядом с ним Юй Чанцин, который всегда считал себя человеком узколобым и злопамятным, порой даже чувствовал себя недостойным.

Юй Чанцин сидел на кровати, скрестив ноги, закрыл глаза и вновь попытался заставить

духовную энергию циркулировать по телу.

Но, как и во все предыдущие попытки, меридианы оставались заблокированными, и энергия не проходила. Внезапно его охватила ярость, и он решительно направил оставшиеся силы в прорыв. Грудь пронзила резкая боль, и он не смог сдержать хлынувшую из горла кровь.

Он опёрся на постель, глядя на кровавые пятна на полу. Его лицо помрачнело.

Сегодня Ван Дачжуан вернулся домой раньше, чем обычно. Зайдя в дом, он увидел эту сцену и в ужасе бросился к нему:

— Сяньцзюнь, что с тобой?! Твои раны ведь уже почти зажили!

Юй Чанцин прикрыл глаза, перевёл дыхание, затем снова открыл их и задумчиво посмотрел на руку Ван Дачжуана, что его поддерживала. Эта рука была грубой, но удивительно красивой, с чёткими костяшками и длинными пальцами. Сейчас она крепко сжимала его руку, передавая свою силу.

Ван Дачжуан, не дождавшись ответа, ещё больше забеспокоился:

— Сяньцзюнь, может, позвать дядю Ван Эршу, чтобы он тебя осмотрел? Ты ведь выплюнул кровь...

Юй Чанцин пришёл в себя, и его гнев незаметно рассеялся. Он тихо вздохнул и покачал головой.

— Не стоит, твой дядя не сможет меня вылечить.

Ван Дачжуан помог ему опереться на изголовье кровати, достал сухой платок и вытер следы крови с его губ.

— Что же делать? Чем я могу тебе помочь? Я ведь ничего не понимаю...

Ресницы Юй Чанцина дрогнули, и его голос смягчился:

— Дачжуан, ты помнишь, месяц назад ты принёс с охоты большую змею?